

УДК 821.161.1 : 366.636

## ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

*Пономаренко И. Н., Сегал Н. А.*

*Кубанский государственный университет,  
Краснодар, Россия  
E-mail: irnik20@mail.ru;  
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
Симферополь, Россия  
E-mail: natasha-segal@mail.ru*

Прагматический потенциал современных медиатекстов обновляется с учетом широкого круга речевых фигур, эксплицирующих симметричные категории в контекстах. Интерактивный характер журналистики определяется тем, что адресантно-адресатные отношения строятся на базе манипулирования общественным сознанием, в основе которого лежит система ценностей, приоритетов и недостатков как общества в целом, так и каждой языковой личности в отдельности. Анализ симметричной оппозиции *богатство / бедность* позволяет сделать вывод, что ее восприятие является многогранным, многомерным и определяется объективными и субъективными показателями, национально-культурными особенностями, морально-этическими факторами, зависимостью от ситуации и самоопределением субъекта. Оценка и эмоциональность контекстов, основанных на симметричной оппозиции *богатство / бедность*, позволяет говорить о ее значимости для массового читателя, особом ассоциативно-прагматическом потенциале выражающих ее языковых единиц, глубине и вариативности интерпретации созданных на ее основе контекстов. В работе делается вывод, что комплексный анализ симметричных категорий позволяет установить ценный фрагмент медийной картины мира, представленный ключевыми образами и моделями актуального социально-политического пространства, одной из которых является симметричная оппозиция *богатство / бедность*.

**Ключевые слова:** симметричная оппозиция, фигура речи, антитеза, оксюморон, градация, параллелизм, риторический вопрос, медиатекст.

### ВВЕДЕНИЕ

Особый характер динамики современного мира, определяющий специфику политики и экономики, образования и искусства, не мог не повлиять на развитие языка, зеркально отражающего все глобализационные процессы. Как справедливо отмечал С. О. Карцевский, «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы просто собранием этикеток» [10, с. 85]. Развивая данную метафору, лингвист приходит к выводу о том, что «невозможно представить себе языки, знаки которых были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций [...], нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [там же]. Именно данный тезис, предложенный более полувека назад, лежит в основе лингвистики начала XXI века и обуславливает доминирующие принципы языковой симметрии.

**Актуальность исследования** обусловлена необходимостью комплексного изучения симметричных оппозиций как составляющей русскоязычного медиадискурса, значимостью семантико-прагматического анализа фигур речи, моделирующих образный потенциал СМИ. **Материал** исследования включает массмедийные тексты печатного и электронного формата, а также фрагменты выступлений политиков за последнее десятилетие. Объект исследования обусловил значимость интегративного подхода, предполагающего использование собственно лингвистических и общегуманитарных **методов**: метода компонентного анализа, метода идентификации, дистрибутивного метода, метода контекстологического анализа, метода лингвистического моделирования. Не останавливаясь подробно на значимости изучения теории симметрии в западноевропейской лингвистике конца XIX–XX века (наиболее ценными в данном ключе являются исследования Ш. Балли, Г. Вейля, Л. Ельмслева, Ф. де Соссюра и др.), обратимся лишь к отдельным ее положениям, имеющим несомненную значимость для нашей работы.

Поскольку в определении сущности *симметрии* содержатся два противоречащих на первый взгляд понятия – преобразование (изменение) и сохранение (инвариантность), постольку первоначальная манифестация понятия *геометрической симметрии* как учения о соразмерности частей целого, о гармонии пропорций целого с течением времени приобрела универсальный смысл и была осознана как всеобщая идея инвариантности, то есть неизменности относительно некоторых преобразований. Произвольность языкового знака, обособленность объединенных в знаке элементов, меняющиеся отношения между означаемым и означающим, по убеждению Ф. де Соссюра, приводят к эволюции языка [13, с. 78], а значит, к развитию входящих в него элементов. В систему таких элементов, как отмечал Л. Ельмслев, включаются, с одной стороны, элементарные единицы плана выражения, а с другой – элементарные единицы плана содержания, при этом важным является тот факт, что количество тех и других должно быть ограниченным: «если бы не существовало ограниченных инвентарей, лингвистическая теория не смогла бы надеяться достичь своей цели – сделать возможным простое и исчерпывающее описание системы, на которую опирается текст [...]. И чем меньше будет инвентарь, которым заканчивается анализ, тем лучше мы сможем удовлетворить эмпирическому принципу в его требовании простого описания» [8, с. 301]. Таким образом, сущность *симметрии* в языке заключается в гармоничном соотношении означаемого и означающего, моделировании языка как в плане выражения, так и в ракурсе содержания, как с позиции количества языковых элементов, так и в аспекте полноты выражаемых ими суждений. Противопоставленная ей категория *асимметрии* определяется как «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [4, с. 47]. При этом именно взаимозависимость *симметрии* и *асимметрии* способствует стабильности языковой системы и служит основой ее равновесия.

В языке единство *симметрии* и *асимметрии* проявляется в широком аспекте от основы категориально-семантических отношений лексических единиц до их реализации в смысловом пространстве текста. Между лексическим и текстовым

## ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ

уровнем действие универсального принципа *симметрии* можно наблюдать и на синтаксическом уровне – прежде всего в структуре таких фигур речи, как *антитеза*, *оксюморон*, *градация*, *параллелизм* и *риторический вопрос*.

**Целью** предлагаемой статьи является определение особенностей реализации фигур речи в актуальном медиапространстве на примере оппозиции *богатство / бедность*.

### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА**

Одной из ключевых фигур речи, частотных в медиатекстах, является *оксюморон*. Соединение противоположных по смыслу слов, образно раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, зачастую формирует парадокс, используемый автором медиапродукта для привлечения внимания адресата. Аксиологическая оппозиция *богатство / бедность*, как показал анализ, представляется ценным источником моделирования контекстов, построенных на *оксюморе*. Важным при этом является тот факт, что основой для *оксюморона* может стать противопоставленность *богатства* и *нищеты* в двух, как правило, взаимоисключающих аспектах: с позиции оценки материальных благ и наличия духовного начала: *богатые нищие: почему олигархи России занимаются строительством казино, а не храмов?* (МН, 17.05.2017); *богатые нищие – грабят, а не ищут: когда жажда денег становится выше законов нравственности* (<http://logen.ru>, 12.02.2019).

Лексема *нищие* в подобных контекстах является усеченной формой словосочетания «*нищие духом*», не имеющего никакого отношения к накоплению материальных богатств. Образ *нищего* (Пс. 9:10, 9:19, 9:38, 13:6, 39:18, 68:30, 71:12; Ис. 25:4), отражающий не социальную, а духовную меру, известен со времен Ветхозаветного Предания, однако наибольшее распространение среди людей, знакомых с христианским учением, он получает в контексте *Нагорной проповеди*, а точнее, самой известной ее части – *Заповедях Блаженств* (Мф. 5:3–12 и Лк. 6:20–23), которые учат тому, как можно достигнуть христианского совершенства. Образ *нищего* представлен в первой заповеди: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*. В «Слове Пастыря» Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл пишет, что «нищета духовная не сводится к пассивному ожиданию чуда, но вмещает в себя как внешние, так и внутренние духовные подвиги, она есть не слабость, а великая сила. Это победа человека над самим собой, над властью страстей» [<https://azbyka.ru/slovo-pastyrya>]. Данная мысль проявляется в следующем медиатексте: *Почему в России нищие богаче олигархов?* (<http://grussia.23.444.1>, 21.11.2015). Расширение контекста отвечает на поставленный в заголовке вопрос: *Вспомним лихие девяностые! И кому достались деньги новоиспеченных бизнесменов, так называемых «новых русских»? Где теперь хваленые строители финансовых пирамид? А нигде, нет их. Другие на их место пришли. А простые люди, привыкшие жить по законам нравственности, остались. И всегда будут. На том и стоит Россия (там же).*

В медиатекстах экономической направленности лексемы *богатый* и *бедный* противопоставлены по стержневому денотативному параметру: наличие или отсутствие

финансовых возможностей. При этом бесспорным является тот факт, что критерии *богатства*, как и принципы распределения материальных благ, представляются весьма дискуссионными: *Богатая нищая Россия. Почему одни люди богатые, а другие бедные? Если послушать марксистов, то богатые богаты потому, что ограбили бедных. Если послушать экономистов-либералов, то все дело в талантах, прилежании и трудолюбии [...]. Богатые богаты потому, что хорошо трудились, мало тратили, много сберегали [...]. На самом деле богатых и бедных людей в указанном ими смысле не существует. Существуют только богатые и бедные страны* (<http://iamruss.ru/bogataya-nischaya-rossiya/>, 01.06.2016). Таким образом, относительность понимания богатства, отсутствие четкой параметризации общества в аспекте финансового благополучия апеллирует, с одной стороны, к принятым в данном сообществе критериям успешности, с другой – к особенностям самосознания каждой конкретной личности, ее видению своего места в социуме.

*Градация* как гибридная фигура амплификации, сочетающая сопоставление по сходству, состоит из ряда словесных компонентов, имеющих нечто инвариантное в значении и в то же время противопоставленных по степени интенсивности проявления этого общего. В медиатекстах *градация* не является частным случаем перечисления, а моделируется на основе логической категории градуальности, которая отражает способность мышления человека располагать в определенной последовательности относительно нормы характеризуемые объекты, признаки, действия, свойства и т.д., несомненно, имеющие инвариантную основу. Подчеркнем, что в медиатекстах, как правило, не используется традиционная форма *градации* (усиление признака каждого последующего / предыдущего компонента однородного ряда): градационные значения разворачиваются, ориентируясь на широкий контекст, что призвано усилить манипуляционный потенциал медиатекста. В актуальных медиатекстах, как показал анализ, преимущественно используется не нарастание семантической значимости предшествующего слова, а нисхождение смысла выражения, что может быть проиллюстрировано следующим примером: *Богатые. Нищие. Бездомные. ЦИК пересчитал кандидатов в депутаты. Имущественное расслоение оказалось поистине космических масштабов – от копеек до сотен миллионов* (RG.ru, 16.08.2016). Таким образом, в медиатекстах проявляется весь спектр градационных отношений, при этом доминирующим представляется разворачивание негативного сценария, что обусловлено преимущественно негативной ориентированностью актуальных медиатекстов экономического и политического характера.

В аспекте *симметрии* представляется перспективным анализ такой фигуры, как *синтаксический параллелизм*, основанной на повторении в однотипных синтаксических позициях однотипных синтаксических единиц с разным лексическим наполнением. В медиатекстах происходит контаминация признаков фигур речи, при которой контексты, построенные на основе *синтаксического параллелизма*, включают антитезу: *Зеленский завершил «эпоху бедности»: на Украине началась эпоха нищеты* (<https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/16012020-zelenskiy-zavershil-epokhu-bednosti-na-ukraine-nachalas-epokha-nishchety/>, 16.01.2020); *Кризис из-за коронавируса сделает богатых еще богаче, а бедных вообще нищими* (<https://www.klerk.ru/buh/articles/498115/>, 10.04.2020); *Бедные стали нищими, богатые –*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ олигархами. Как произошло «ограбление века» – ельцинский дефолт 1998 года (<https://www.nakanune.ru/articles/113177/>, 17.08.2017); **Бедные станут нищими:** как государство избавляется от деревни (<https://newizv.ru/article/general/14-05-2019/bednye-stanut-nischimi-kak-gosudarstvo-izbavlyaetsya-ot-derevni>, 14.05.2019); **Нищий народ. Богатый президент!** Народу в его собственной стране уже практически ничего не принадлежит. Нефть, газ, реки, леса, предприятия – все материальные ресурсы самой богатой в мире страны разделены между «слугами народа», их «партнерами» и «друзьями» (<https://silver2013.livejournal.com/23479.html>, 19.05.2013); **«Богатым – добро пожаловать, бедным – въезд запрещен»:** почему в США выступают против миграционной реформы администрации Трампа (<https://russian.rt.com/world/article/659598-ssha-tramp-migratsiya>, 16.08.2019). Посредством иронии, которой пронизаны подобные контексты, моделируется образ политической медиареальности, в которую погружается адресат политического медиатекста.

Для комплексного исследования симметричной оппозиции *богатство / бедность* значимым видится обращение к такой фигуре речи, как риторический вопрос. В исследовании С. А. Громыко отмечается, что *риторический вопрос* представляет собой стилистическую фигуру, основанную на «асимметрии вопросительной формы и утвердительного содержания» [5, с. 76-80]. Диалогичность медиатекстов, постоянное апеллирование к массовому адресату определяет высокую степень частотности *риторических вопросов* среди других видов экспрессивного синтаксиса. Данный факт подтверждается и реализацией оппозиции *богатство / бедность*: *Если мы такие богатые, то почему мы такие бедные?* (<https://www.zakon.kz/4913996-esli-my-takie-bogatyeto-pochemu-my.html>, 17.04.2018); *Оксфорд и Кембридж обязали принимать больше студентов из бедных семей. А как же быть богатым?* (<https://www.bbc.com/russian/features-51301345>, 11.02.2020); **Что можно богатым, но нельзя бедным?** (<https://medialeaks.ru/2908xsh-bogach-bednyak/>, 29.08.2019). В медиатекстах риторические вопросы, как правило, выносятся в заголовочную зону, что с первых слов превращает монологический текст журналиста в весьма эффективный диалог с массовой аудиторией.

Как показал анализ актуальных медиатекстов, наиболее частотной фигурой речи при экспликации *симметричной смысловой конструкции богатство / бедность* является антитеза. В работах В. А. Венгранович *антитеза* определяется как «стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний» и основанная «...на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам» [2, с. 46]. Специфика функционирования *антитезы* в медиатексте позволяет рассматривать ее как один из основных лингвостилевых приемов, участвующих в формировании актуального медиапространства.

Объективируя симметричную оппозицию *богатство / бедность*, *антитеза* становится основой формирования неоднородных метафорических образов, эксплицирующих современные общественно-политические реалии. Так, одним из доминирующих образов, построенных на основе противопоставления *богатство / бедность*, является метафора социальной несправедливости, иллюстрирующая несовершенство современной экономической системы, незащищенность бедных слоев населения, связанную с отсутствием уверенности в будущем: *У нас* [на

Украине – И. П., Н. С.] *между богатством и бедностью настоящая пропасть! В этих условиях основой влияния админресурса на население становится страх потерять даже низкооплачиваемую работу, страх за будущее своих детей* (<https://hvylya.net/analytics/economics/kak-preodolet-bednost-v-ukraine.html>, 24.02.2019); *Нищим россиянам объяснили, почему они будут нищать, а богатые – богатеть* (<https://primamedia.ru/news/890803/>, 19.12.2019).

В актуальных медийных текстах подчеркивается, что экономическое расслоение обусловлено стратегией государства, стоящего на страже интересов финансово успешных граждан и не проявляющего заботу по отношению к остальным: *Прось у нищего на хлеб, богатым подаем на бедность* ([https://dt.ua/POLITICS/prosya\\_u\\_nischego\\_na\\_hleb.html](https://dt.ua/POLITICS/prosya_u_nischego_na_hleb.html), 11.07.2018); *Ограбь нищего и накорми богатого* (<http://slovo.odessa.ua/news/24888-ograb-nischego-i-nakormi-bogatogo-video.html>, 04.02.2018); *Выбеспросветно нищие потому, что они – до неприличия богатые* (<https://inshe.tv/important/2016-10-31/175727/>, 31.10.2016). Социальная несправедливость лежит в основе поляризации общества, невозможности его консолидации в условиях различия интересов, возможностей, потребностей, целей. Данный факт становится еще более очевидным при создании медиаобраза «двух России», не имеющих возможности вступить в диалог: *Бедность и богатство в современной России. В больном обществе богатые богатеют вместо общества. Эта печальная истина получила в России гражданство. Поляризация доходов и социальный разлом общества фактически привели к возникновению «двух России», противостоящих и уходящих друг от друга по своему поведению, предпочтениям и ориентациям. Образовались два уровня жизни со своими доходами и денежными единицами, два потребительских рынка, отличающихся ценами и набором потребительских благ* (<http://ido-rags.ru/?p=7753>, 05.02.2018).

В медиатекстах подчеркивается, что накопление богатства зачастую сопровождается незаконными противозаконными действиями, которые, как следствие, могут стать причиной ограничения свободы человека. Выбор меры законности осуществляемых действий, приоритетов и целей индивидуален для каждого члена современного общества: *Лукашенко о коррупции: лучше быть нищим на свободе, чем богатым в тюрьме* (<https://www.kp.ru/online/news/3071852/>, 27.01.2018).

Критерии богатства, отнесение человека к категории финансово успешных или обделенных зачастую опирается не на объективные, а на субъективные факторы, основным среди которых представляется видение человеком самого себя среди материально благополучных или недостаточно финансово успешных граждан общества: *Богатые тоже бедные. Две трети обеспеченных россиян считают себя бедняками. Кто я? Бедный, богатый или ни рыба ни мясо – средний класс? Ответ на этот вопрос оказывается труднее, чем могло бы показаться, особенно в России. И как минимум по двум причинам. Во-первых, в нашей культуре еще, по сути, нет ни традиции задаваться таким вопросом, ни сколько-нибудь общепринятых способов на него отвечать. А во-вторых, сами понятия «бедный» и «богатый» могут трактоваться двояко: либо как сравнение с мечтой, либо как сравнение с тем, как живут другие люди* (Журнал «Коммерсантъ. Деньги» № 40 от 10.10.2016, стр. 11). Как показал анализ актуальных медиатекстов, на основе оппозиции *богатство / бедность* строится метафорический

образ нравственных приоритетов, связанных с понятием нормы не в масштабах государственного законодательства, а в аспекте системы ценностей каждой отдельной личности. В подобных контекстах *бедность* определяется в двух значениях: как «недостаток материальных благ» и как «скудность духовного содержания»: *У нас один враг – бедность. Материальная и духовная. Понятие бедности в России довольно размыто. Но как бы ни считать, бедность в нашей жизни – явление постоянное [...]. И никакая статистика, я уж не говорю о власти имущих, не говорит о духовной бедности. Сколько у нас духовно бедных людей? Тысячи, миллионы, десятки миллионов? Сотни? И что страшнее: духовная бедность или материальная? Причём бедный материально может быть богат духовно, и наоборот. Человек беден душой, но у него солидный счёт в банке* (<https://p-v-ros.ru/news/article/aleksandr-krutov-u-nas-odin-vrag--bednost-material-17145>, 10.10.2018).

Важной в аспекте нравственности и духовности представляется триада «*безбожные бедняки – безбожные богачи – христиане*», в которой аккумулируются характеристики материального и духовного богатства. Так, в контексте постулируется идея о том, что финансовое благополучие не может лежать в основе разграничения на плохих и хороших людей, поскольку безнравственные и бездуховные могут быть как богатыми, так и бедными. Христианские ценности, независимо от материального благосостояния, по мнению автора медиатекста, являются доказательством невозможности действия закона «богатство – зло, бедность – благо», поскольку только нравственный выбор и убежденность человека определяет то, как он воспользуется своими средствами или насколько достойно сможет выйти из финансовых затруднений: *Когда-то российское общество делилось на профессиональные сословия, и это деление было условным. Сегодня – на два лагеря: бедных и богатых. Но согласно христианским учениям, этическая карта мира иная: в одном лагере – безбожные бедняки, пролетарии, в другом – безбожные богачи, а в третьем – христиане, как бедные, так и материально богатые. Последние не строят своего счастья на страданиях других и считают своим долгом оказывать достойную помощь беднякам* (<http://ido-rags.ru/?p=7753>, 05.02.2018).

Для современного медиапространства характерно введение вторичной антитезы, при котором на первом этапе журналист выбирает из уже известного текста (чаще всего – литературного произведения) знакомое, содержащее два слова или две группы слов, связанных между собой отношениями лексической или контекстуальной антонимии, и на втором этапе вводит данное высказывание в медиатекст. Как показал анализ русскоязычных медийных текстов, антитезные конструкции со сферой-источником «художественная литература» можно распределить на следующие группы: 1) конструкции, сохранившие свою форму, но получившие контекстное продолжение; 2) трансформированные конструкции. Остановимся на анализе языковых фактов более подробно. Самой частотной среди конструкций, построенных на основе реализации оппозиции *богатство / бедность*, является вторичная антитеза «Принц и нищий», апеллирующая к одноименному историческому роману Марка Твена. Наиболее характерным является расширение конструкции, при котором вторая часть раскрывает и усиливает первую: *Принц и нищий: самого богатого и бедного первоклашку разделяет пропасть. Дороже, чем в России, собраться в школу можно только в Нигерии*

(<https://www.mk.ru/social/2018/08/31/princ-i-nishhiy-samogo-bogatogo-i-bednogo-pervoklaskhu-razdelyaet-propast.html>, 31.08.2018); **Принц и нищий**, или социальная несправедливость по-украински (<https://blog.liga.net/user/kkareli/article/22481>, 10.06.2016).

Менее частотными представляются контексты с обратной структурой, при которой вторичная антитеза выступает в качестве поясняющего компонента: *Государство и народ: «Принц и нищий»* (ЗН, 12.09.2018). Трансформация конструкции, построенная на замене одного из компонентов пары, включает элементы языковой игры и может быть соотнесена на различных уровнях:

**1) грамматическом:**

а) изменение грамматической формы числа (*Принц и нищие: Савченко рассказала сказку про президента и украинцев* (ZNAJ.UA, 06.06.2019));

б) присоединение отрицательной частицы (*Принц не нищий: на что живет королевская семья Британии* (msn.новости, 29.04.2018));

в) присоединение предлога (*Хищение топлива: преступление без наказания?* (Daily-NN, 27.12.2019));

**2) лексическом с заменой одного из стержневых компонентов конструкции:**

а) на однокоренной (*Принцесса и нищий: девушка помогла бездомному, а через неделю он отблагодарил ее сполна* (<https://sm-news.ru/princessa-i-nishhiy-devushka-pomogla-bezdomnomu-a-cherez-nedelyu-on-otblagodaril-ee-spolna-59794/>, 19.04.2020);

б) на языковую единицу с другим корнем, но сходным набором интегральных компонентов (*Царь и нищий: готов ли президент Украины к диалогу со своим народом* (Укр.Правда.гу, 13.09.2018).

Именно широкий трансформационный потенциал конструкций создает основу для языковой игры, приобретающей все большую актуальность в контексте современных социально-политических трансформаций. Как отмечал Л. Витгенштейн, единицы языка представляют собой часть определенной игры с установленным набором правил и положений, реализованных в коммуникации [Витгенштейн, 1994, с.75–319]. Экстраполируя данный тезис на медиатексты начала XXI века, несложно понять, что в языке СМИ *языковая игра* выступает действенным средством манипуляции и опирается на ассоциативный потенциал слова. Образы, моделируемые в тексте, становятся не средством украшения, а источником экспрессии, эпатажности, подчас доходящей до абсурда. Проиллюстрируем данный тезис отдельными примерами, построенными на основе анализируемой нами оппозиции. Так, номинацию **копеечный миллионер** в медиатекстах получил житель Сибири Юрий Бабин, выставивший на продажу собранную им коллекцию однокопеечных монет весом в 7,5 тонны за 19,9 миллиона рублей: *«Копеечный миллионер» из Сибири хочет жениться на Людмиле Путиной* (<https://ria.ru/20140418/1004450602.html>, 18.04.2014). По аналогичной модели построена конструкция **грошовый король**. Британский трейдер Ирадж Парвизи, осужденный по делу об инсайдерской торговле, за бесценок покупал миллионы акций, которые позже в сотни раз возрастали в цене: *Грошовый король. «Я был королем грошовых акций», – говорит 50-летний Парвизи, добавив, что в 2000 году стоимость его чистых активов достигала 50-70 миллионов фунтов стерлингов* (<https://ru.ihodl.com/lifestyle/2016-09-26/kak-korol-groshovyh-akcij-stal-millionerom/>, 26.09.2016).



Прагматический потенциал современных медиатекстов актуализируется с учетом широкого спектра фигур речи, эксплицирующих в контекстах категорию симметрии. Интерактивный характер публицистики определяет тот факт, что адресантно-адресатные отношения строятся на манипуляции общественным сознанием, в основе которой лежит система ценностей и антиценностей, приоритетов как общества в целом, так и каждой отдельной личности в частности. Проведенный анализ симметричной оппозиции *богатство / бедность* позволяет сделать вывод о разноплановости и многомерности ее реализации, включающей объективные и субъективные маркеры, национально-культурные особенности, нравственные факторы, зависимость от ситуации. Оценочность и эмоциональность контекстов, в основе которых лежит симметричная оппозиция *богатство / бедность*, дает возможность говорить о ее значимости для массового читателя, особом ассоциативно-прагматическом потенциале эксплицирующих ее языковых единиц, глубине и вариативности интерпретации создаваемых контекстов. Именно комплексный анализ симметричных отношений позволит определить ценный фрагмент современной картины мира, представленной в медиaprостранстве посредством ключевых для актуальной социополитической сферы образами и моделями.

#### **Список литературы**

1. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. [Текст] / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.
2. Венгранович, М. А. Фольклорный текст и мифологическое сознание [Текст] / М. А. Венгранович // Вопросы филологии. – № 2. – 2002. – С. 77–85.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть 1. – М. : Гнозис, 1994. – С. 75–319.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
5. Громыко, С. А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века [Текст] / С. А. Громыко // Русская речь. – № 4. – 2010. – С. 76–80.
6. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании [Текст] / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.
7. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : (современная английская медиаречь) : учеб. пособие [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
8. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 1960. – 458 с.
9. Зарипов, Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине [Текст] / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. № 2. – 2015. – С. 172–180.
10. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С. О. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – С. 85–90.

11. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике [Текст] / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – 2011. – С. 26–33.
12. Пономаренко, И. Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста [Текст] / И. Н. Пономаренко. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2005. – 231 с.
13. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.

### References

1. Balashova L. V. *Russkaya Metaforicheskaya Sistema v Razvitii: XI –XXI VV.* [The Russian Metaphorical System in Development: 11<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> Centuries.]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi: Znaki Publ., 2014. 632 p.
2. Vengranovich M. A. *Folklornyi Tekst i Mifologicheskoe Soznanie* [Folklore Text and Mythological Consciousness]. *Voprosy Filologii*, no 2, 2002, pp. 77–85.
3. Vitgenshtein L. *Filosofskie Issledovaniya* [Philosophical Researches]. *Filosofskie Raboty*. Chast 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–319.
4. Gak V. G. *Yazykovye Preobrazovaniya* [Language Conversions]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1998. 763 p.
5. Gromyko S. A. *Zachem Politiku Ritoricheskii Vopros? Osobennosti Parlamentskoi Diskussii Nachala XX Veka* [Why Do Politicians Need A Rhetorical Question? Features of the Parliamentary Discussion of the Early Twentieth Century]. *Russkaya Rech'*, no 4, 2010, pp. 76–80.
6. Dzyuba E. V. *Lingvokognitivnaya Kategorizatsiya v Russkom Yazykovom Soznanii* [Linguo-Cognitive Categorization in Russian Linguistic Consciousness]. Ekaterinburg: Uralskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet Publ., 2015. 286 p.
7. Dobroslonskaya T. G. *Medialingvistika: Sistemnyi Podkhod k Izucheniyu Yazyka SMI: Sovremennaya Angliiskaya Mediaset'* [Medialinguistics: A Systematic Approach to Learning the Language of the Media: (Modern English Media Speech)]. Moscow, 2008. 263 p.
8. El'mslev L. *Prolegomeny k Teorii Yazyka* [Prolegomena to Language Theory]. Moscow: KomKniga Publ., 1960. 458 p.
9. Zaripov R. I. *Metaforicheskie Obrazy Rossii vo Frantsuzskom Politicheskom Diskurse v Kontekste Grazhdanskoi Voyny na Ukraine* [Metaphorical Images of Russia in French Political Discourse in the Context of the Civil War in Ukraine]. *Politicheskaya Lingvistika*, no 2, 2015, pp. 172–180.
10. Kartsevskii S. O. *Ob Asimmetrichnom Dualizme Lingvisticheskogo Znaka* [On Asymmetric Dualism of a Linguistic Sign]. *Istoriya Yazykoznaniya XIX–XX Vekov v Ocherkakh i Izvlecheniyakh*. Moscow, 1965, pp. 85–90.
11. Klushina N. I. *Ot Stilya k Diskursu: Novyi Povорот v Lingvistike* [From Style to Discourse: A New Turn in Linguistics]. *Yazyk, Kommunikatsiya i Sotsialnaya Sreda*, no 9, 2011, pp. 26–33.
12. Ponomarenko I. N. *Simmetriya / Asimmetriya v Lingvistike Teksta* [Symmetry / Asymmetry in Text Linguistics]. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 231 p.
13. Sossjur F. de. *Kurs Obshchei Lingvistiki* [General Linguistics Course]. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Uralskogo Universiteta, 1999. 432 p.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ  
**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE SYMMETRICAL  
OPPOSITION *WEALTH / POVERTY* IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA  
DISCOURSE**

*Ponomarenko I. N., Segal N. A.*

The pragmatic potential of modern media texts is updated taking into account a wide range of speech figures explicating symmetric categories in contexts. The interactive nature of journalism is determined by the fact that addressee-addressable relations are built on the manipulation of public consciousness, which is based on a system of values, priorities and shortcomings of both society as a whole and each individual person in particular. The analysis of the symmetry category *wealth / poverty* allows us to conclude that the perception is diverse and multidimensional, including objective and subjective indicators, national and cultural characteristics, moral factors, dependence on the situation and self-determination of the subject. The appraisal and emotionality of contexts, which are based on the symmetric category of *wealth / poverty*, makes it possible to talk about its significance for the general reader, the special associative-pragmatic potential of the language units explicating it, the depth and variability of interpretation of the created contexts. It is a comprehensive analysis of symmetry categories that will allow us to establish a valuable fragment of the media picture of the world, represented by key images and models for the current sociopolitical space.

**Keywords:** symmetry category, figure of speech, antithesis, oxymoron, gradation of parallelism and rhetorical question, media text.